

ВОСПРИЯТИЕ СИТУАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНЬШИНСТВА АРМЯНАМИ АХАЛКАЛАКИ

Ахалкалаки — районный центр Джавахети (Южная Грузия)¹, который компактно заселен этническими армянами² и граничит с Арменией и Турцией. Армянское население появилось в Джавахети в первой половине XIX века, когда русское царское правительство решило переселить 30 тыс. армян из турецкого города Карса на земли, оставленные грузинскими мусульманами³.

В советское время этот регион был достаточно обособлен от остальной Грузии из-за статуса закрытой пограничной зоны⁴, преобладания там русского языка, тесных социально-экономических связей с Арменией на фоне слабо развитой инфраструктуры сообщения с Тбилиси и другими частями Грузии. После распада Советского Союза и формирования новой национальной государственности население региона оказалось в статусе этнического меньшинства, компактно проживающего у границы со своей этнической родиной. Эта новая ситуация вызвала изменение восприятия региона как самим населением, так и грузинскими властями. В рамках данного исследования ставилась цель изучить восприятие армянским населением Джавахети этнических различий и своей ситуации в качестве национального этнического меньшинства.

В исследовании я исходила из социально-конструктивистского подхода, который предполагает, что действия людей основываются на их субъективной интерпретации социальной реальности, которая включает в себя совокупность моральных принципов, установок, норм, ценностей и т.д.⁵ Эти представления считаются само собой

¹ Джавахети как административная единица включает в себя Ахалкалакский и Ниноцминдский районы.

² По данным переписи 2002 года, 95,7% населения Ахалкалаки составляли этнические армяне, 5,3% — этнические грузины, 0,3% — русские и 0,1% — другие этнические группы. Всего население Ахалкалакского района составляло 60 975 жителей, население города 9 768. См. Государственный департамент статистики Грузии <http://www.statistics.ge/_files/georgian/census/2002/mosaxleobis%20ricxovnoba%20da%20gansaxleba.pdf> (28.03.2007).

³ «Начиная с 1828 года, когда Россия отторгла у Турции Самцхе, Джавахети, Эршети и Палакацию, населенные грузинскими мусульманами, царизм создал здесь такие невыносимые условия, что грузинские мусульмане оставили земли и жилища своих предков и переселились в Турцию. Граф Паскевич, запретив жителям западной Грузии занять эти земли, поселил, по поручению царского правительства, в Месхет-Джавухети 30 000 переселенных из Турции армян. К 1830 году армяне составили здесь большинство». Очерки истории Грузии. Т. IV, Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1973. С. 884 (на груз. яз.).

⁴ Закрытая для проезда без специальных пропусков.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995. С. 54-78.

разумеющимися и поэтому мыслятся как объективные. Основываясь на этих представлениях, вне зависимости от степени их соответствия «объективной» реальности, люди проводят границы между этническими группами, разделяя «своих» и «чужих»⁶. «Этнические различия — в первую очередь это исторически сложившиеся различия в сферах восприятий и оценки каждодневных ситуаций»⁷. Таким образом, восприятие своей этнической группы как дискриминируемой и интерпретация повседневных ситуаций как проявления неравенства являются важными факторами, влияющими на формирование этнической идентичности и межэтнических отношений.

Исследование включало интервью с постоянными жителями Ахалкалаки — этническими армянами, которые на момент интервью не работали в сфере государственного управления и не являлись членами какого-либо политического или общественного объединения. Поиск информантов осуществлялся методом снежного кома, всего было сделано 14 биографических интервью (шесть с мужчинами и восемь с женщинами, возраст от 25 до 64 лет, со средним достатком). Интервью проводилось на русском языке, что также ограничивало круг потенциальных информантов. Этим отчасти объясняется то, что все информанты оказались людьми с высшим образованием, хотя это и не было критерием отбора. Информация, полученная в интервью, дополнялась и сопоставлялась с наблюдениями, сделанными исследователем в поле.

В интервью обсуждалось множество различных тем, из которых для анализа я решила выбрать наиболее актуальные для информантов. В этой статье будут обсуждаться вопросы идентичности, восприятие ситуации этнического меньшинства на уровне региона и страны в целом, а также проблемы, связанные с незнанием государственного языка и варианты решения этой ситуации.

1. Что значит “быть ахалкалакцем”?

Ситуация жителей Ахалкалаки интересна тем, что их этническая и локальная идентичности постоянно актуализируются в повседневной жизни. Это вызвано несколькими факторами. Во-первых, проживающие в Джавахети этнические армяне являются на уровне страны самым многочисленным этническим меньшинством, при

⁶ Bart F. Introduction // Bart F. Ethnic groups and boundaries. The social Organization of Cultural Differences. London: Bergen, 1969.

⁷ Дробижева М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Академия, 2002. С. 161.

этом в Джавахети они представляют подавляющее большинство. Во-вторых, они проживают на границе с этнической родиной — Арменией, поддерживая с ней тесные социально-экономические связи, и с Турцией, которой в коллективной памяти армян отведено место врага. В-третьих, закрытость Джавахети как пограничной зоны в советское время способствовала формированию локальной «ахалкалакской» культуры и идентичности, чему служит и устойчивое предпочтение в качестве брачных партнеров «своих, ахалкалакских».

Самими ахалкалакцами их идентичность воспринимается как особенная и уникальная, чему способствуют и маркирование извне:

Одну интересную формулу скажу: для Армении мы — ахалкалакцы, для Грузии мы — армяне, для России мы — граждане Грузии. Когда я еду в Армению, мне не говорят «ты армянин», а — «ты ахалкалакец», когда я еду в Тбилиси мне говорят «ты армянин», а когда я еду в Россию, мне говорят «ты гражданин Грузии» (м., 29 лет)⁸.

Лингвистический фактор (местный диалект) тоже вносит вклад в ощущения отличности от «армянских армян»:

Я после армянской школы поступила на армянский факультет, сначала было очень трудно, потом с января я очень быстро научилась армянскому, я очень довольна. Я армянка, но все-таки этот ахалкалакский язык — не армянский, не настоящий литературный. Я научилась читать и писать по-армянски (ж., 55 лет).

Таким образом, и в Грузии, и в Армении, и в часто посещаемой России ахалкалакские армяне воспринимаются как «чужие», и только Ахалкалаки дает им ощущение пребывания среди «своих». Компенсацией маргинализации служит вера в собственное превосходство и уникальность⁹. Во время кардинальных изменений в государстве, когда для любого гражданина и особенно представителя этнических меньшинств большое значение приобретает стабильность своего социального положения и безопасность¹⁰, локальная идентич-

⁸ Стиль информантов максимально сохранен.

⁹ Во время интервью для доказательства того, что «ахалкалакцы — самые талантливые» (цитата из интервью) по сравнению с остальным населением Грузии или Армении, приводились конкретные цифры — число выходцев из Ахалкалаки, ставших профессорами и доцентами.

¹⁰ Сарджвеладзе Н. Базовые человеческие потребности и институциональное развитие в Грузии. Тбилиси: Международная тревога, Фонд развития человеческих ресурсов, 2003. С. 46.

ность приобретает защитную функцию, дает “ощущение надежности” и становится вдвойне важной ценностью.

Ощущению безопасности в Ахалкалаки способствует и малочисленность населения города, отчего возникает ощущение, что все находится в родственно-дружеских связях и готовы оказать необходимую помощь:

В Ахалкалаки тихо, спокойно, все тебе помогут, можно занять денег у кого хочешь, у меня все в Ахалкалаки, всех знаю (м., 25 лет).

Создается образ Ахалкалаки как спокойного, безопасного и доброжелательного города, и что особенно важно – город становится гарантией сохранения своей идентичности, которая теряется в иных условиях:

Обычно те, которые выезжают, говорят, что многое потеряли. Конечно, со временем они свыкаются, но это очень тяжело, теряют свои национальные качества, чувства, куда бы ни уехал, не имеет значения, со временем ты становишься американцем или русским, не в первом, а потом, в следующих поколениях. Мало кто из третьего поколения [мигрантов] знает свой язык, обычаи, нравы (м., 65 лет).

Под термином “родина”, который часто фигурирует в разговорах, чаще всего подразумевают конкретно Ахалкалаки. Родина для всех ассоциируется с землей, где они родились, языком, религией (хотя данный фактор менее актуален) и людьми/общиной — жителями Ахалкалаки.

Мои информанты декларировали свою гражданскую идентичность как грузинскую («Я ахалкалакец, джавахетинец и, конечно, мы все граждане Грузии»), хотя, по их мнению, многие жители сел Джавахети, прямо граничащих с Арменией, считают своим государством Армению.

Заслуживает внимания предложенная одним из информантов новая идентичность “кавказца”, которая объединяет грузина и армянина в более крупную единую категорию. Подразумевается, что “кавказцев” объединяет верность традиционным ценностям, которые противопоставляются западноевропейским:

Мы все кавказцы, и мы отличаемся от них, американцев или этих европейцев, мы другие, и они нас не поймут, мы их тоже (м., 29 лет).

2. Восприятие локальной ситуации

В исследовании ставились вопросы, ощущают ли жители Ахалкалаки себя социально равными или неравными с титульным населением и каково влияние этих ощущений на межэтнические отношения между грузинами и армянами. Однако оказалось, что этот вопрос не был актуальным для информантов и практически не поднимался самими респондентами ни в одном интервью¹¹. На первый план в интервью вышли другие, более острые проблемы региона в целом.

2.1. Проблема безработицы и миграции

Важнейшей проблемой является тяжелая социально-экономическая ситуация, а именно — безработица, которая вынуждает многих жителей уезжать на заработки:

У меня трое детей, и они все в разъезде, чтобы как-то прожить, тут тотальная безработица, 90% населения безработные, тут все живут, благодаря помощи от них, здесь кормиться нечем, безработица всех беспокоит (м., 56 лет).

Дети всех информантов старшего поколения находятся за границей, в основном в разных городах России. Условия, в которых они проживают, нельзя назвать удовлетворительными, они с трудом зарабатывают себе на проживание, но в Ахалкалаки нет и такой работы:

Те, кто уехали, им и там очень трудно, по району, наверно, 60% уехало зарабатывать денег и помогать остальным, в основном в Россию... В Ахалкалаки пока что перспективы нету, из-за безработицы же люди уехали... Младший сын приехал, не знал, от безделья что делать, был бы большой город, а здесь что делать? (м., 56 лет)

Представители старшего поколения свое будущее представляют без особого оптимизма. В силу возраста они не смогут эмигрировать (адаптироваться в новой среде), будут получать материальную помощь от детей и продолжать бесперспективную жизнь. Надежды на возвращение детей у них нет.

¹¹ «Неактуальность данного вопроса на фоне других острых нерешенных проблем подтверждается и другими исследованиями. См. Нижарадзе Г. Социологический опрос в Джавахетском районе в рамках проекта международной организации Mercy Corps «Программа борьбы с бедностью в уязвимых сельских общинах Самцхе-Джавахети». 2006 (отчет на правах рукописи).

Вывод российской военной базы из Ахалкалаки еще больше усугубил ситуацию¹². Значительная часть населения занимала разные должности в военном городке, получая неплохую по местным меркам зарплату. Сначала решение грузинского правительства о выводе базы было встречено местным населением крайне негативно, проходили митинги и демонстрации. Националистически настроенные группы в регионе представляли базу как гарантию защиты от агрессии грузинского государства. Но сейчас наши информанты считают такую угрозу нереальной и основной акцент делают на экономическую зависимость горожан от базы.

2.2. Межэтнические отношения

В регионе абсолютное большинство составляют этнические армяне и поэтому вопрос об этнической дискриминации просто не возникает:

О.: Когда я жил в Сибири (в советское время — К.Х.), не ощущал, что я какой-то чужой среди них, никакой разницы не чувствовал в то время. Сейчас по-другому, национальные вопросы и все такое...

В.: Вы имеете в виду здесь [в Ахалкалаки]?

О.: Нет, неееет! Здесь... ничего не ощущаем, здесь от кого? Это там, в России, убивают на национальной почве. По сравнению с другими местами у нас рай, спокойствие (м., 64 года).

Население грузинских сел в Ахалкалакском районе само находится в положении регионального меньшинства и не имеет какого-либо влияния на региональном уровне. Общие экономические трудности, заимствование разных практик (организация труда, бытовые практики, ритуалы), владение армянским языком объединяет их с армянским населением. На региональном уровне конфликтные ситуации между грузинскими и армянскими жителями чрезвычайно редки:

У нас есть недалеко, в трех километрах, грузинские села, они также мучаются. Наверно, они чуть-чуть лентяи¹³. Мы веками живем вместе без конфликтов, они знают армянский, мы тоже немножко¹⁴ грузинский, на свадьбы ездят, друзья есть, добрососедство есть, хорошие отношения (м., 43 года).

¹² По согласованному странами графику поэтапный вывод базы начался в 2006 году, база должна быть выведена полностью до 1 января 2008 года.

¹³ Довольно распространенный стереотип о грузинах.

¹⁴ «Немножко» было сказано на грузинском.

Идеалом межэтнических отношений для многих информантов, особенно старшего возраста, является интернационализм советских времен. Нестабильное настоящее заставляет искать опору либо в будущем, которое трудно прогнозировать, либо в идеализации прошлого. Советское прошлое мифологизируется, оно ассоциируется не только с экономическим процветанием города, но и с беспроблемным сосуществованием разных этнических групп:

Знаете, тогда было не так, думать это – Тбилиси, это – Ереван, это была одна страна,.. мы никогда не чувствовали, что мы из Армении, из Грузии. Воспитана я так, для меня до сих пор все одинаковы... я очень интернационалист и атеист, и не понимаю всего того, что сейчас происходит. Люди должны дружить, это не просто слова, мы все люди, мы все работаем, мы все трудимся. Знаете, я от души говорю — должны дружить (ж., 55 лет.).

Мы вообще в городе так живем, что не знаем, кто грузин, кто армянин, до настоящего времени не знали. У нас таких проблем не было, у меня и друзья, и подруги, и одноклассники, и сотрудники [— грузины], вместе мы работали, никогда такого вопроса вообще не было, не интересовались, кто какой национальности, мы все одинаковы, мы все люди (ж., 53 года).

В применении к нынешнему Ахалкалаки термин “интернациональный город” (который часто употребляется в разговорах) несет исключительно символический смысл, так как город практически этнически гомогенен. Употребляя это определение, мои информанты подчеркивали ценность тех гармоничных отношений, которые, по крайней мере по их воспоминаниям, существовали в городе. Под гармоничными отношениями подразумевается добрососедство и сотрудничество, однако смешанные браки даже в прошлом не поощрялись. Одна из информанток подчеркивала, что ее брак с этническим грузином не представлял проблемы, но ее фраза «*Так сложилась судьба, что я связала свою жизнь с грузином, вышла за него замуж, и моя семья стала национальной*» (имеется в виду интернациональной – К.Х.) все-таки показывает необходимость оправдания такого шага судьбой. По другим интервью тоже складывается впечатление, что такие браки являлись исключением и не приветствовались. Однако можно сделать вывод, что если информанты и лукавят относительно индифферент-

ности к этническим различиям, то различия эти на повседневном уровне воспринимались и продолжают восприниматься в категориях инаковости, «дружости», а не иерархии и исключения.

3. Восприятие общенациональной ситуации

Для начала необходимо отметить, что часть населения города совсем не интересуется происходящими в стране политическими и социальными событиями, что обусловлено не только незнанием грузинского языка и, как следствие, меньшей доступностью информации, но и обывательской установкой на решение своих личных проблем. Такой подход, с одной стороны, позволяет избежать дополнительной ответственности, с другой, является прагматически ценным, позволяющим направить свои ресурсы на решение конкретных каждодневных проблем и остаться политически не ангажированными:

Мы здесь живем, трудимся, ничего ни у кого не просим, мы не хотим быть разменной монетой у каких-то политических или других сил, нам нужно, чтобы нас оставили в покое, чтобы мы жили, платили налоги, как до сих пор и делали (м., 29 лет).

Наличие работы/занятости обуславливает восприятие в более радужных тонах не только личной ситуации, но развития страны. Если информант безработный, вероятнее, что ситуация в регионе и стране будет оцениваться как имеющая негативные тенденции развития. Влияние фактора занятости на оценку социальных перспектив хорошо просматривается при сравнении взглядов работающего информанта и того, кто последние десять лет был безработным:

В.: Как изменилась жизнь?

О.: В Грузии, вы имеете в виду? Чтоб сказать, что очень изменилась в хорошую сторону, пока невозможно, самая большая проблема - это занятость, все проблемы от нее... но что к лучшему идет, все это чувствуется, государство стремится воссоздать хорошие, нормальные условия. Разве плохо, что есть бесплатная скорая помощь? Сейчас больше свободы, есть возможность поехать куда хочешь, слава Богу, работа есть, надеемся на лучшее (м., 64 года).

Не знаю, куда все катится... безработный человек кому нужен? Здесь кормиться нечем, все безработные, люди нервные

стали, не могут сориентироваться, раньше получал 450 рублей, семью кормил, а сейчас... даже не знаю (м., 56 лет).

Население Ахалкалаки не сравнивает свою ситуацию с ситуацией других этнических меньшинств, проживающих в Грузии, а также с локальными грузинами (которые рассматриваются жертвами той же трудной социально-экономической ситуации; в их отношении преобладает чувство солидарности), сравнение, в основном, происходит с собирательным образом грузина, ассоциирующегося с жителями Тбилиси.

3.1. Тбилиси – Ахалкалаки: взаимные опасения и обвинения

Опыт дискриминации возникает у жителей Ахалкалаки за пределами региона Самцхе-Джавахети и особенно часто связан с посещением Тбилиси. Те, кто недавно побывал в Тбилиси, говорили, что они ощущали пренебрежительное отношение к себе тбилисцев, вызванное, по мнению приезжих, тем, что они не говорят на грузинском языке:

Когда на рынок едешь, там же простые люди, не из высшего света, если подходят два покупателя, его обеспечивают, а тебя нет, ничего не говорят, что ты армянин или другой национальности, просто сначала его, потом тебя: «Джан (ласковое обращение на армянском – К.Х.)» и все такое. На лбу не написано, что я армянин, просто по-русски я спросил (м., 29 лет).

Однако за последние 15 лет большинство информантов ни разу не были в Тбилиси, и их представления базируются на чужом опыте, общениях в СМИ и негативных воспоминаниях о событиях 1990-х годов¹⁵, когда активизировались националистические движения. Травматический опыт воспроизводится в устной традиции и передается следующим поколениям.

Личный опыт играет важную роль при формировании позитивного или негативного образа Тбилиси. В этом контексте возраст информантов является важным фактором. Старшее поколение, в советское время (70-80-е годы) бывавшее в Тбилиси, сохранило позитивные воспоминания. Проявления этнической дискриминации интерпретируются ими как отдельные случаи и не формируют общего негативного отношения:

¹⁵ В начале 90-х годов, параллельно с коллапсом Советского Союза, на политическую арену Грузии вышли национально-освободительные партии, националистические тенденции которых отчетливее всего выражались во время правления З. Гамсахурдия, которое длилось относительно короткий период: 1991-1992 годы (прим. авт.).

Я собираюсь своего ребенка на учебу в Тбилиси отправить, а мне говорят: «Ты не боишься нацио-нальных этих?» Я как-то уверена, я была в Тбилиси на выпускном вечере в ресторане, я там спела, сыграла, такая любовь... Я не верю, что такие отношения между армянами и грузинами вдруг почему-то стали недружескими, нет, я не боюсь (ж., 56 лет).

В Тбилиси много родных и близких, друзей, много общаемся, никогда никаких этнических проблем не испытывал, таких трудностей не вижу, не знаю, как в центре, давно не бывал, но думаю, что и там нет, если даже что было, может, это «пацаны-мацаны» какие-то (м., 43 года).

Ощущению тревожности за пределами региона способствует осведомленность о дискриминирующем дискурсе грузинских СМИ. По мнению информантов, СМИ способствуют формированию негативного стереотипа жителя Джавахети (ненадежные граждане, стремящиеся к сепаратизму), драматизируют ситуацию в регионе и этнизируют экономические проблемы:

[В] других городах такое впечатление об Ахалкалаки, что чуть не убиваем друг друга (ж., 53 года).

Когда я смотрю, что показывают про Ахалкалаки, я смеюсь. Из Тбилиси звонят: «Там война?» Один знакомый не хотел даже приезжать, думал, что тут война. Когда люди устраивают митинги в Боржоме с требованиями электроэнергии, это освещается на экономической почве, а когда в Ахалкалаки – на этнической. Как это выходит, а? (м., 29 лет)

Такой подход СМИ способствует появлению ощущения гражданской сегрегации, к которой всегда чувствительны представители этнических меньшинств, особенно в период становления нового государства и экономических трудностей. Однако у большинства информантов вызывала неприятие «этническая» трактовка вопроса о том, кто виноват в тяжелой социально-экономической ситуации в стране:

Везде есть какие-то проблемы, но очень плохо, когда все эти наши недостатки, недоустройства хотят свалить на кого-то, на какую-то нацию — «Вот эти виноваты!» У нас гово-

рят, что кто-то виноват, если кому-то не повезло. Не надо так делать, ты живи, радуйся, уважай народ, делай свое дело (м., 64 года).

Часто «виновником» этнического напряжения считается именно тяжелая социально-экономическая ситуация, ответственным за все является «тяжелое время и плохая обстановка», а в конечном итоге — правительство:

Это же все из-за экономической ситуации делается, нам нечего делить, если я плохо буду жить, я и Грузию обвиню, и Армению, и Азербайджан, и весь мир, все на свете... И все эти национальные [вопросы] оттуда выходят. <...>

Когда говорят «грузины виноваты», это неправильно сформулированная фраза, это правительство вино-вато, не грузины, а так как в правительстве грузины сидят, автоматически получается, что грузины виноваты, но это про правительство (м., 29 лет).

Такое замещение «грузин» более нейтральным субъектом - «правительством» - указывает на отсутствие напряжения между этническими группами, но демонстрирует претензии меньшинства к государству.

Основным недостатком проводимой правительством политики считается осложнение отношений с Россией и проамериканская ориентация. Ухудшение политических отношений с Россией в первую очередь отражается на визовом режиме, создающим трудности трудовым мигрантам. Многие жители Ахалкалаки, работавшие в России, после введения визового режима в 2001 году остались там как нелегальные мигранты, а после обострения отношений между странами в 2006 году увеличился риск депортации именно грузинских нелегалов. Введение визового режима видится как карательная мера со стороны России, вызванная «неправильной политикой» Грузии.

В Джавахети превалирует образ России — защитника и доброго соседа (являвшегося также работодателем для значительной части населения Ахалкалаки в прошлом), что коренным образом отличается от позиции грузинского государства и многих рядовых грузин. По мнению одного из информантов, эти разногласия настолько серьезны, что влияют на жизненные стратегии армян:

На наш взгляд, Грузия должна быть поближе с Россией, на взгляд остального населения Грузии – с Европой, с Америкой. Вот эти разницы не пускают, чтобы нормально жили, адаптировались (м., 29 лет).

Такой позиции способствует и наличие большого числа местных трудовых мигрантов в России, для которых политические разногласия стран могут обернуться вынужденной эмиграцией или потерей средств к существованию.

3.2. Незнание государственного языка как причина неравенства

Как уже упоминалось, основной причиной, по которой ахалкалакцы сейчас чувствуют себя дискомфортно в Тбилиси (и, можно предположить, в других регионах Грузии, где доминирует титульное население), является незнание грузинского языка. Но незнание государственного языка отражается также на восприятии гражданской идентичности в целом, на жизненных ориентациях (в какой стране учиться и работать), стратегиях занятости. Во всех интервью подчеркивалось, что незнание государственного языка уменьшает жизненные шансы армян в Грузии.

Незнание населением Ахалкалаки грузинского языка связано с советским прошлым. Несмотря на то, что официальным языком, наряду с русским, всегда оставался грузинский, русский язык являлся основным языком бытового и профессионального общения. В регионах, компактно заселенных этническими меньшинствами (Джавахети, Квемо Картли), население получало образование в национальных школах (армянских, азербайджанских, русских), а высшее образование – на родном языке на этнической родине и/или на русском языке в разных городах СССР. Изучение грузинского языка не являлось прагматической необходимостью, отсутствовала грузиноговорящая среда, и в результате получилось, что население не знает государственного языка.

Сейчас изучение грузинского языка воспринимается как «необходимое/обязательное». Хотя владение государственным языком не является обязательным для всех граждан, а владение им на уровне делопроизводства требуется только от государственных служащих, большинство моих информантов связывали изучение языка с гражданской идентичностью. По свидетельствам информантов, менее образованное сельское население вообще считает, что их гражданская полноценность напрямую связана со знанием грузинского языка, а тяжелая экономическая ситуация — следствие дискриминации по языковому признаку:

Сейчас у сельского народа такое впечатление, раз они грузинский язык не знают, они – никто... Им кажется, что раз они грузинский не знают, из-за этого возникли эти проблемы. Но эти проблемы не из-за этого, это всеобщие проблемы, в любом селе любых национальностей эти проблемы есть (ж., 53 года).

Представленное информанткой мнение достаточно распространено, чему способствует информационный вакуум (информации о жизни остального населения страны люди просто не получают), закрытость сообщества, генерирующая слухи, и наличие национальных движений в регионе.

Несмотря на то, что большинством информантов знание государственного языка воспринимается как основное условие полноценной гражданской активности, мнения относительно необходимости его изучения разнятся. Основными факторами, определяющими установку на изучение грузинского языка, являются возраст и перспективы занятости.

Среднее и старшее поколение (старше 35 лет) связывает изучение языка с возрастными ограничениями; они считают, что в их возрасте невозможно хорошо выучить новый язык, особенно до степени, необходимой для профессиональной деятельности. Такая установка способствует формированию негативного отношения к программам изучения грузинского языка и к снижению эффективности его изучения. Из-за незнания языка эта группа имеет ограничения на трудовом рынке: с одной стороны, увеличивается конкуренция с непрофессиональными, но владеющими языком кадрами, а с другой стороны — с молодой возрастной категорией, которая вообще более конкурентоспособна и имеет больше шансов выучить язык. Речь идет прежде всего о государственной службе, где по закону о государственной службе все без исключения госслужащие должны владеть грузинским языком в той мере, чтобы свободно вести на нем делопроизводство. В качестве единственной альтернативы сохранения равного положения для этой возрастной категории ее представители рассматривают возможность продолжения работы на знакомом им языке в виде льготы¹⁶:

Столько прожили — не научились, потому что не научились в свое время, вот сейчас у нас проводят уроки грузинского, но надо сказать, что это неэффективно для моего возраст-

¹⁶ В Ахалкалаки и Ниноцминда из-за того, что местное население не знает грузинского языка, закон о государственной службе не реализуется, и документация пока ведется на русском языке. См. Джавахишвили Д., Фричова М. Некоторые аспекты межэтнических отношений в Грузии. Отчет об исследовании по заказу Conciliation Resources (рукопись).

та, все-таки для моего возраста трудно, а мой сын раз-два и выучил, для нас это уже... ну допустим, пока это поколение умрет, чтобы на этом же языке закончить жизнь, а потом новое поколение пусть изучает. Я понимаю – у нас грузинское государство, и государственный язык грузинский, но надо и нас тоже понимать (ж., 55 лет).

Младшая возрастная группа (до 35 лет) также считает, незнание грузинского ограничивает их возможности и требует дополнительных усилий и затрат для профессионального продвижения, приводит к низкой конкурентоспособности на рынке труда. Но для этой группы вопрос языка гораздо больше связан с выбором жизненной стратегии — где получать высшее образование, искать работу, уезжать ли из страны и т.д.

Традиционно население Ахалкалаки получало высшее образование в Армении, что было обусловлено разными факторами: наличием там родственных сетей, владением армянским языком, привлекательными конкурсными условиями по сравнению с тбилисскими вузами (ниже проходные баллы), а в последнее время и специальными льготами для жителей СНГ. Этому способствовал также высокий уровень преступности в Тбилиси и обострение межэтнических отношений:

В.: Вы поступили в ереванский институт...

О.: Это вышло элементарно: языковых барьеров нет там никаких, много родственников, близких, намного безопаснее, чем в Тбилиси, не было никаких национальных вопросов¹⁷ (м., 29 лет).

С тех пор как грузинский получил статус единственного государственного языка, смысла получать образование в Армении или в России становится меньше, так как при возвращении снижаются шансы трудоустройства. В то же время появляются новые возможности продолжения учебы в грузинских вузах: плата за учебу в Тбилиси гораздо ниже, чем, например, в Ереване, и, кроме того, есть льготы для этнических меньшинств — экзамены по всем предметам, кроме грузинского языка, могут быть сданы на русском языке. Учитывая, что хорошая позиция на рынке труда и карьерный рост будут невозможны без знания грузинского языка, а грузинский диплом ценится выше, чем ереванский, многие молодые ахалкалакцы начинают учить грузинский язык:

¹⁷ В годы поступления информанта в вуз (1992-1994) в Тбилиси были сильны националистические настроения.

Вот мой сын занимается, набрал 32 балла, а там проходных 15 баллов [по грузинскому языку]. Ну, посмотрим, поступит в Тбилиси или нет, но если нет, то тогда – в Ереван, хотя мечта – Тбилиси, потому что дальше ему будет легче работать с этим дипломом, если он собирается здесь жить (ж., 54 года).

Часть населения (по моим наблюдениям, очень маленькая) даже намеревается отдать детей в грузинские школы и тем самым сделать инвестицию в “успешное для них будущее” (при условии, что они останутся в стране):

Главное – знание языков, нужно знать языки, дочку хочу отдать в грузинскую школу, чтобы ей жилось хорошо, если она будет владеть грузинским - будет все, армянскому я буду ее учить (м., 25 лет).

Следует, однако, заметить, что занятость и язык взаимосвязаны только в перспективе государственной должности, проблема языка не является актуальной в частном секторе и не связана с ощущением неравенства:

Я оптимист, все вижу в красочных тонах, есть много работы, которую никто не додумается сделать, я себя очень хорошо чувствую в Ахалкалаки, никаких проблем у меня нету, ни языковых... Если раньше не уехал, то и сейчас не уеду (м., 28 лет).

Так как знание государственного языка является дополнительным ресурсом, не только абитуриенты, но и уже имеющие высшее образование, стараются его выучить и оказаться в более удачном положении на рынке труда. Незнание государственного языка может послужить причиной того, что квалифицированный работник не может участвовать в конкурсах и остается вне игры. Схожие проблемы возникают и в сфере профессионального роста: тестирование, часть процедур¹⁸ проводятся на грузинском языке. Те, кто справился со структурной дискриминацией, овладев на необходимом уровне грузинским языком, оценивают окружающую среду как перспективную, полную возможностей для реализации собственного потенциала и не дискриминирующую:

---

¹⁸ Имеются в виду государственные должности.

В первую очередь, мне кажется, что все не так, как говорят: «Меня не приняли на работу, потому что я армянин». Сейчас же не так: сдаешь аттестацию, проходишь тренинги, набираешь соответствующее количество очков и ты работаешь. Вот это очень хорошо. Раньше было по-другому, нужна была протекция, а сейчас если у тебя знания есть, ты можешь поступить. Я аттестацию проходила, экзамены – все на грузинском, и я набрала 22 балла. Сорок человек претендовали, и трех должны были принять, я одна была армянка среди всех этих сорока, я вот прошла благодаря своим знаниям (ж., 53 года).

Как отдельная категория может быть выделена небольшая часть населения, которая считает, что армянский язык должен получить статус регионального языка в Джавахети. В этой категории можно выделить две подгруппы: одна часть рассматривает эти меры как временно необходимые (до того как население выучит грузинский), вторая (в основном, лидеры местных национальных движений) — принципиально противится изучению языка, т.к. связывает изучение языка с “попыткой огрузинивания” и рассматривает это как стимулирование ассимиляции¹⁹.

Можно сделать вывод, что наши информанты, представляющие средний слой населения Ахалкалаки, в целом понимают необходимость изучения грузинского языка, но считают, что за короткое время выучить язык они не смогут в связи с объективными трудностями (негрузинская среда, старший возраст, неэффективные меры преподавания и т.д.). Давление же со стороны государства и стремление форсировать повсеместное использование грузинского языка объясняется ими как неопытность “молодого государства”:

Они все молодые, и все хотят по-быстрому, но разве так бывает? Очень трудно быстро изучить язык (ж., 56 лет).

По сравнению с предыдущими исследованиями, например, с исследованием М. Элбакидзе 2001 года, здесь мы видим положительную динамику: раньше форсированность изучения языка воспринималась как попытка заставить этнических армян покинуть страну²⁰.

¹⁹ Более ранние исследования показали схожие результаты, вплоть до совпадения приводимых лидерами движений примеров и фраз. См., например, Nilsson N. Threats to national community. A minor field study on threat perceptions and national identity in Georgia. 2004. Lund University (manuscript).

²⁰ См. Elbakidze M. The social, economical and political situation in Javakheti: peoples concerns. The report of the sociological survey // Ethnic confessional groups and problems of civic integration in Georgia: Azeri, Javakheti Armenian and Mus-lim Meskhetian communities / Ed. by Ghia Nodia. Tbilisi: Caucasus Institute for Peace, Democracy and Development, 2002. С. 64- 100.

Возможно, что эта разница в результатах исследований объясняется использованием разных методов: в исследовании 2001 года использовались фокус-группы, что могло побудить информантов давать более радикальные оценки для утверждения своей позиции в глазах остальных членов группы, чем в индивидуальном интервью. Однако нельзя отрицать, что общее отношение к изучению грузинского языка стало более спокойным и прагматичным. Если раньше проблему воспринимали потенциально взрывоопасной, предрекали манифестации и даже требования автономии, то сейчас большинство соглашается, что «через определенное время» языковой барьер будет преодолен.

Выводы

После распада Советского Союза и формирования грузинского государства жители Ахалкалаки — компактно проживающее армянское сообщество — оказались в реальности «чужого» национального государства с ее новыми требованиями. Новые обстоятельства вызвали необходимость переосмысления таких базовых категорий, как этническая и гражданская идентичности. На фоне строительства национальных государств и обострения националистических тенденций в грузинской политике, усилилась локальная идентичность («ахалкалакцы»), которая осуществляет защитную функцию и связана с чувством безопасности и стабильности.

Поскольку город этнически почти гомогенен, на локальном уровне жители не сталкиваются с прямой этнической дискриминацией, и проблемы этнического равенства/неравенства воспринимаются как вопрос взаимоотношений с грузинским государством и «тбилисцами». Жители ощущают структурную дискриминацию в связи с незнанием государственного языка, который требуется для работы в государственном секторе занятости. Учитывая, что уровень безработицы в регионе высок, а частный сектор пока недостаточно развит, незнание грузинского языка ощутимо снижает шансы на трудоустройство в регионе и делает его практически невозможным в частях Грузии, где превалирует грузиноязычное население. Подход информантов к решению языковой проблемы неоднозначен: ориентирующиеся на дальнейшую профессиональную деятельность и карьеру в Грузии стараются активно изучать язык, а жители, ориентирующиеся на работу в местном частном секторе или эмиграцию, не видят смысла в изучении грузинского языка. При этом многие люди старшего поколения считают себя неспособными освоить новый язык и требуют для себя

временных льгот, понимая в целом важность знания государственного языка для ощущения себя полноценным гражданином страны. Для молодых ахалкалакцев вопрос об изучении грузинского языка связан с выбором места продолжения образования и, соответственно, страной будущей работы и проживания.

Необходимо подчеркнуть, что высокий уровень безработицы, разрушенная инфраструктура города и отсутствие перспектив стимулируют эмиграцию, которая, в свою очередь, лишает смысла изучение грузинского языка. Экономические проблемы считаются также детонаторами межэтнической напряженности. Таким образом, решение вопросов занятости в регионе и в целом более благоприятные перспективы страны (решение социальных вопросов, политическая стабильность, урегулирование отношений с Россией) могут стать залогом превращения компактно проживающего (и «потенциально опасного») меньшинства в полноценных граждан.